

Volker Weidermann

Ostende

1936, Sommer der Freundschaft

Фолькер Вайдерманн

Остенде

1936 год: лето дружбы и печали

*Последнее
безмятежное лето
перед
Второй мировой*

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
В14

Volker Weidermann
Ostende. 1936, Sommer der Freundschaft

Перевод с немецкого *Сергея Кокурина*

Вайдерманн, Фолькер

В14 Остенде. 1936 год: лето дружбы и печали / Фолькер Вайдерманн ; [пер. с нем. С.А. Кокурина]. – М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. – 192 с. – (Документальный fiction).

ISBN 978-5-389-25159-5

Биографический роман «Остенде. 1936 год: лето дружбы и печали» появился в 2014 году. Остенде – блистательный морской курорт, на котором в 1936 году собрались писатели, журналисты, издатели, поэты – все те, кому нет места в национал-социалистической Германии. Солнце, море, напитки. Это могло бы стать просто отдыхом с друзьями. Если бы не политическая ситуация, которая ухудшается с каждым днем, если бы их всех не преследовали, если бы их книги не были запрещены, если бы они не потеряли Родину. Поэты в бегах, писатели в изгнании. Фолькер Вайдерманн точно и проникновенно рассказывает историю того удивительного лета незадолго до Второй мировой войны, когда цвет немецкой творческой интеллигенции празднует жизнь (у большинства из них она скоро оборвется), как это могут делать только полностью отчаявшиеся люди.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-25159-5

© 2014, Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Cologne/Germany
© Yeaseul Jun, фотография на обложке, 2024
© Кокурин С.А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Иностранка®

Здесь, у моря, лето, на солнце блестят разноцветные пляжные кабинки. В лоджии третьего этажа белого дома на широком бульваре в Остенде сидит Стефан Цвейг. Его взгляд устремлен к морю. Он всегда мечтал об этом — писать и видеть перед собой великолепие лета, пустоту. Лотта Альтманн, его секретарь и уже два года как любовница, живет этажом выше. Через несколько минут она возьмет пишущую машинку и спустится к нему, и он будет диктовать ей свою легенду, снова и снова кружа вокруг одного и того же места, запинаясь и не зная, что же дальше. И так уже несколько недель кряду.

Возможно, Йозеф Рот знает. Старый друг, с ним он позже встретится в бистро, как и почти всякий вечер этим летом. Один из их компании насмешников, борцов, циников, влюбленных, атлетов, выпивох, болтунов и молчали-

вых наблюдателей. Один из тех, кто сидит здесь, на бульваре в Остенде, ожидая дня, когда сможет вернуться на родину. Кто день-деньской ломает голову, придумывая, что бы еще сделать, чтобы мир поскорее пришел в себя. Чтобы вновь очутиться дома, в стране, где родился, а потом — почему бы и нет — однажды вернуться сюда. На этот безмятежный пляж. Гостем. А пока в этом отдохновенном уголке мира они изгнанники. И этот вечный весельчак Герман Кестен, и проповедник Эгон Эрвин Киш, и медведь Вилли Мюнценберг, и королева шампанского Ирмагард Койн, и могучий пловец Эрнст Толлер, и стратег Артур Кёстлер, друзья и враги — рассказчики, которых забросила в этом июле сюда, на пляж, прихотливая мировая политика. Вестники гибели.

Лето 1936 года. Стефан Цвейг смотрит сквозь широкое окно на море, а мысли его, то умиленные, то робкие, то радостные, о компании беглецов, к которой он вот-вот присоединится. Еще совсем недавно его жизнь представлялась ему сплошным восхождением, им восхищались, ему завидовали. Теперь ему страшно, он чувствует себя связанным сотнями обязательств, сотнями невидимых оков. И не выпутаться, и не на что опереться. Но есть это лето, и все еще, может быть, перемелется. Здесь, на этом

просторнейшем бульваре с роскошными белыми домами, огромным казино, этим дивным дворцом счастья. И атмосферой праздника, озорства, с мороженым, зонтиками, негой, ветром и пестрыми лавчонками. Много воды утекло с тех пор, как он в 1914 году впервые оказался в Остенде, где началась катастрофа, с ее предвестниками, газетчиками на набережной, которые с каждым днем вопили все голосистей, радостнее, восторженнее, потому что им улыбалась удача.

Особенно рьяно вырывали из рук газеты немецкие купальщики. Мальчишки выкрикивали заголовки: «Россия бросает вызов Австрии», «Германия готовится к мобилизации». И Цвейг — бледный, импозантный, в очках с тонкой оправой — приехал на трамвае, чтобы тоже быть поближе к новостям. Заголовки его возбуждали, он чувствовал приятное волнение и воодушевление. Конечно, он понимал, что скоро этот раж сменится великой тишиной. Но тогда ему хотелось просто насладиться этим ожиданием большого события. Ожиданием войны. Грандиозного будущего, меняющегося мира. Особенно забавно было смотреть на лица бельгийских друзей. За последние несколько дней они побледнели. Они не желали играть в эту игру и происходящее, похоже, воспринимали чрез-

вычайно серьезно. Стефана Цвейга это сместило. Он смеялся над тщедушными бельгийскими солдатами на набережной. Смеялся над собачонкой, тащившей на маленькой тележке пулемет. Смеялся над всей этой непомерной озабоченностью своих друзей.

Он знал, что им нечего бояться. Знал, что Бельгия сохраняет нейтралитет, знал, что Германия и Австрия никогда не вторгнутся в нейтральную страну. «Повесьте меня на этом самом фонаре, если Германия когда-нибудь вторгнется в Бельгию!»¹ — кричал он своим друзьям. Они не верили. И лица их все более и более мрачнели.

Куда вдруг канула его Бельгия? Стойкая, сильная, энергичная страна и ее напряженная, особенная жизнь. То, что он так полюбил в ней, у ее моря. И почему его навсегда пленил ее величайший поэт.

В жизни Цвейга Эмиль Верхарн — первая агапэ². Еще гимназистом он нашел в нем объект безоговорочного преклонения. Стихи Верхарна потрясли Стефана Цвейга, ничего прекраснее ни до, ни после он не встречал. Сна-

¹ *Цвейг, Стефан*. Воспоминания о Эмиле Верхарне // Собр. соч. В 7. Т. 7. М.: Правда, 1963. С. 299.

² Духовная любовь (*греч.*).

чала подражая им, потом ученически перелагая, а позднее и переводя стихотворение за стихотворением на немецкий, он отточил на них собственный стиль. Именно он сделал Эмиля Верхарна известным в Германии и Австрии, опубликовав в 1913 году в *Insel-Verlag* восторженную книгу о нем. В ней он писал: «И посему самое время сегодня вспомнить об Эмиле Верхарне, величайшем, а может быть, и единственном из современников, кто в поэтической форме выразил чувства и дух нашего времени, кто первым с беспримерным воодушевлением и беспримерным искусством превратил наш век в поэзию».

Собственно, за этим воодушевлением Верхарна, его жизнелюбием и доверием к миру Стефан Цвейг приехал в конце июня в Бельгию, к морю. Чтобы вдохновиться его вдохновением. И увидеть человека, написавшего то, что Стефан Цвейг перевел на немецкий. Например, его стихотворение «Восторг», которое начинается так:

Когда мы восхищаемся друг другом неустанно,
 Всем пылом нашей веры и сердец,
 Тогда поэт, мыслитель, мастер —
 Ты века нового становишься творец¹.

¹ Здесь и далее, если переводчик не указан, я даю подстрочник. — С. К.

Это — гимн жизни, оком мечты. Чистый пристальный взгляд, от которого мир сам начинает сиять тем же светом, какой излучает славящее его стихотворение. И эта любовь к миру, и это восхищение дались большим трудом. Они отвоены в борьбе у мрачной действительности.

Люблю свой острый мозг, огонь своих очей,
Стук сердца своего и кровь своих артерий,
Люблю себя и мир, хочу природе всей
И человечеству отдаться в полной мере!

Жить: это, взяв, отдать с весельем жизнь свою!
Со мною равны те, кто миром так же пьяны!
С бессонной жадностью пред жизнью я стою,
Стремлюсь в ее самум, в ее поток багряный!¹

Два тоскующих дикаря нашли друг друга. Эмиль Верхарн и Стефан Цвейг. Как радовался молодой австриец беседам с восторженным хозяином.

Покушение на наследника австрийского престола не перечеркнуло его планов и поездок. Надежный мир, казалось, останется надежным на веки вечные. Стефан Цвейг пережил не один кризис, и этот ничем не отличался от

¹ Перевод В. Брюсова. См.: *Верхарн, Эмиль*. В вечерний час // Собрание стихов (1883–1915). М.: АО Универсальная библиотека, 1915. С. 119.

предыдущих. Он тоже пройдет, не оставив следа. Как и все в его жизни до сих пор.

Они условились встретиться второго августа¹, но совершенно случайно увиделись раньше, в июле, когда Цвейг был проездом в Брюсселе и навестил художника Константа Монталя, у которого тогда как раз гостил Верхарн. Они обрадовались друг другу и несколько часов сердечно проговорили. Бородатому бельгийцу бросилась в глаза некоторая взвинченность Цвейга, но он с пониманием отнесся к этому. Им обоим хотелось снова поскорее увидеться, чтобы продолжить увлекательный разговор о новых стихах и драмах и, конечно, о любви и новых дамах. Извечная тема Цвейга.

Видя огонь в глазах молодого австрийца, Верхарн предложил Цвейгу прежде заглянуть в Остенде к его другу. Друг, предупредил он, не без причуд. Любит фотографироваться на крышах родного города, играя на флейте; кроме того, он художник, а еще мастер масок и карикатурист, правда, не очень преуспевает, а точнее, совсем не преуспевает. Его первая выставка состоялась в ковровой лавке знакомого. Раз в год он устраивает со своими приятелями

¹ Речь шла о том, что август Цвейг проведет в Кэйу-ки-бик, глухой бельгийской деревушке, где жил Верхарн.

маскарадное шествие по городу, которое называет «Балом мертвых крыс». И с каждым годом участников становится все больше. Этого человека звали Джеймс Энсор. Верхарн дал Цвейгу адрес и рекомендательное письмо.

И Цвейг отправился по этому адресу. В магазин, принадлежавший матери Энсора, неподалеку от набережной. Она продавала карнавальные маски, ракушки, картинки с матросами и сушеные морские звезды. Узкий дом с большой витриной внизу, где на прозрачных нитях висели диковинные сувениры. Цвейг вошел. Да, ее сын наверху, поднимайтесь запросто. Темный тесный коридор с красной ковровой дорожкой, злобно ослабившиеся маски на стенах. Он прошел мимо крошечной кухни, красных эмалированных кастрюль на плите, капающего крана. На втором этаже за пианино сидел человек в кепке и отрешенно, тихо что-то наигрывал. Над пианино висела огромная картина: сотни людей в несусветных масках толпились, напирали, устремлялись неведомо куда. Неестественные, ярко раскрашенные лица, с длинными носами и пустыми глазами. Бал мертвецов, карнавал смерти, коллективное безумие. Цвейг, словно замороженный, не отводил от картины взгляд. Это была не его Бельгия. Здесь поселилась и царила смерть. На круглом столе в вазе большая охалка

пыльных трав. Справа на каминной полке еще одна ваза с китайской росписью, а на ней череп, скалящийся, беззубый, в дамской шляпке, усыпанной засушенными цветами.

Человек за пианино продолжал отстраненно играть, напевая себе под нос. Стефан Цвейг некоторое время стоял остолбенелый, затем повернулся и кинулся вниз по узким красным ступенькам, мимо раковин в витрине, на улицу, на солнце, на свет. Ему хотелось поскорее убраться вон, вновь стать беспечным, чего-нибудь поесть, прийти в себя.

Он бежал к своей спутнице. Ее звали Марсель, она приехала вместе с ним в Остенде. Фантастическая женщина. Не из тех, на ком женятся, боже правый, нет, скорее из тех, кто попадает в романы. Чью историю еще предстоит написать. Внезапная, неожиданная сила жизни, падение — и стремительный взлет. Вспышка всепоглощающей страсти. История Стефана Цвейга. Пережитая для того, чтобы быть описанной.

Его первая любовь, Фридерика Мария фон Винтерниц, осталась дома, в Австрии. У нее не было к нему никаких претензий, да и не могло быть, ведь она замужем. Она писала Цвейгу в Остенде, чтобы он хорошо повеселился со своей маленькой подружкой. И наслаждался летом. Чудес-

ным летом 1914 года, о котором Стефан Цвейг всегда будет вспоминать в последующие годы при слове «лето». Две женщины, солнце, море, воздушные змеи в воздухе, курортники со всего мира, великий поэт, медленно пустеющий пляж.

Первыми Бельгию покинули немецкие гости, за ними потянулись англичане. Цвейг остался. Его тревога, однако, росла. 28 июля Австрия объявила войну Сербии, и на границе с Россией были развернуты войска. Теперь и Стефан Цвейг начал понимать, что все это чревато серьезными последствиями. 30 июля он купил билет на остендский экспресс. Последний поезд, отправлявшийся тем летом из Бельгии в Германию.

Вагоны были переполнены, люди толпились в проходах. Все говорили наперебой, витали противоречивые слухи. Каждому слуху верили, и только когда поезд, уже пересекший немецкую границу, вдруг остановился в открытом поле и мимо них прогремел товарный состав, затянутый брезентом, под которым угадывались силуэты пушек, Стефан Цвейг отчетливо осознал, куда катил этот поезд. Он мчался навстречу войне, которую уже невозможно было остановить.

* * *

Стефан Цвейг был словно в угаре. Аккуратно и иступленно он записывал все по горячим следам в дневник, который снова начал вести. У него пропал сон, он весь извелся: «Я совершенно разбит, кусок в горло не лезет, нервы на пределе». Ему было стыдно перед друзьями, когда наступило третье августа, а он все еще не в армии. Даже Гофмансталь призывали¹. Но прежде всего стыдно было перед женщинами. Он чувствовал на себе их взгляды. «Молодой человек, что вы еще здесь делаете?» — как бы спрашивали они. Он и сам не знал.

Военную службу он проходил за домашним письменным столом², описывая для газеты свое возвращение домой, на войну, и оправдывая себя в дневнике тем, что только последние строки в газете были отчасти ложью. «Вена никогда не казалась мне такой милой, — писал он для читателей, — и я счастлив, что именно в этот час я вер-

¹ Гуго фон Гофмансталь (1874–1929), которому в 1914 году исполнилось сорок лет, был назначен в отдел военного обеспечения Министерства внутренних дел, он писал пропагандистские тексты в основном для *Neue freie Presse*, крупнейшей в то время газеты Вены.

² Цвейг получил место в военном архиве, куда ему помог устроиться один из его высокопоставленных друзей.

нулся к ней». Однако в своем дневнике записал: «31 июля, когда я приехал, вся Вена будто оцепенела. Люди часами стояли у афиш с указом о мобилизации, написанным на убогом и абсолютно непонятном языке. Под вечер некоторые ветеранские союзы пытались пробудить энтузиазм, но выглядело это очень скромно».

Маленькая ложь. Шла война. Правда была мертва.

Тем не менее Цвейг верил всему, о чем сообщали немецкие и австрийские газеты: отравленные колодцы в Германии, безоружных немцев расстреливают, ставя к стенке. И вдруг четвертого августа новость, поразившая его, как молния: Германия вторглась в Бельгию! Что это — помешательство или гениальный план? Он уже не верил, что все может образумиться. Германия и Австрия воевали против всего мира. Больше всего Стефан Цвейг желал бы уснуть на полгода, только бы не видеть гибели. Его тело сковал страх. Нет, не за бельгийских друзей, не за маленькую нейтральную страну, по которой уже маршировали немецкие армии, срезая путь до Парижа. Не за свою Бельгию, эту чудесную страну, жизнестойкую, жизнелюбивую, чувственную, смешавшую народы, которую год назад в книге о Верхарне он воспел как олицетворение истинной Европы, веками героически противостоявшей всем захватчикам. «Все, чего они

хотели, — это сохранить свою ясную, веселую жизнь, свое свободное дионисийство, приволье чувств и желаний, они хотели жить, и жить с избытком. И жизнь торжествовала вместе с ними». Его Бельгия. Но не ее судьба теперь волновала его. Цвейг боялся за Германию. И за Австрию.

Он носился по улицам Вены, выуживая новости, новые слухи, новые сообщения о победах немецкой армии. Заслышав, что в военном министерстве вот-вот объявят о великой победе, он спешил туда вместе с тысячами венцев. Они роились вокруг освещенных окон, как насекомые ночью. И снова никакой победы. Еще одна ночь без сна.

Стефан Цвейг рвался на фронт. Он даже отпустил бороду, чтобы выглядеть внушительней, воинственней, страшнее. В день, когда Германия вторглась в Бельгию, он составил завещание. Снял большую сумму в банке. И отметил в дневнике: «Победы Германии блистательны!» Он был в исступлении. Он ликовал. Он писал: «Наконец-то повеяло свежим воздухом!» И как же он завидовал торжествовавшему Берлину.

Даже спустя много лет, став всемирно известным пацифистом и столь же известным писателем, пережив новые мировые потрясения, он утверждал в своих мемуа-

рах, во «Вчерашнем мире», что, несмотря на всю его ненависть и отвращение к войне, он не хотел бы, чтобы из его памяти ушли воспоминания о тех августовских днях. В те дни все полетело в тартарары. Навсегда и безвозвратно. Но в этом было и нечто величественное. «Как никогда, тысячи и сотни тысяч людей чувствовали то, что им надлежало бы чувствовать скорее в мирное время: что они составляют единое целое»¹.

Цвейг слал восторженные письма Иде Демель, жене Рихарда Демеля, одного из самых яростных добровольцев войны среди немецких поэтов, который в первые дни войны отличился не только в боях, но за письменным столом, своими необычайно пламенными, националистическими боевыми стихами. «Даже если бы великие и вековые усилия нашего народа закончились разрушением государства, — писал Цвейг frau Демель, — одни только эти строки оправдали бы и наши тревоги, и наши страдания».

К несчастью, другая сторона тоже ответила стихами. Девятого ноября Цвейг сделал запись в дневнике

¹ Цит. по: *Цвейг, Стефан*. Вчерашний мир. М.: Радуга, 1991. С. 211.

о «маленькой катастрофе в моем существовании». Его учитель, его отец, его идеал, его великий бельгийский друг Верхарн разразился строками, которые немецкие и австрийские газеты перепечатывали как страшилку. Это были первые стихи бельгийца, переведенные на немецкий язык не Стефаном Цвейгом. Цвейг, зная о намерении Верхарна писать о войне, умолял его, через их общего друга Романа Роллана, «передавать в стихах, а значит, и потомкам только факты, чью достоверность он может подтвердить». Но Верхарн превратил самые ужасные слухи о зверствах немцев в лирические истины. Изнасилованные девственницы, отрезанные женские груди, отрубленные ступни детей в карманах немецких солдат. Такие образы пьянили поэта, воспевавшего жизнь, которым восхищался Цвейг.

Какое печальное солнце, свидетель о Фландрии,
О женщинах в огне, о городах в пепле,
О долгих ужасах и мгновенных злодействах,
Коиx алчет и жаждет германский садист.

Стефан Цвейг был потрясен: кому он отдал свою любовь, пред кем благоговел? Эти строки написаны тем самым человеком, который олицетворял для него все луч-

шее в Европе и который учил его тому, «что лишь совершенный человек может стать великим поэтом». В отчаянии Цвейг спрашивал себя, не были ли ложью его переводы, его стихи, вся его жизнь.

Худшее в этом стихотворении о Бельгии — обвинение в варварстве. Утверждение, будто немцы ведут эту войну неблагородными, варварскими средствами. Тогда как война, считал Стефан Цвейг, — это прежде всего доблесть и готовность жертвовать собой ради достойной и полезной цели. И враг должен вести себя подобным же образом. «Для меня, будь я офицером, величайшим счастьем было бы выступить против культурного врага», — писал он, сын венского текстильщика, своему немецкому издателю Киппенбергу¹. У Цвейга было очень романтическое представление о войне. Всадник с изысканными манерами и саблей наголо, которому противостоит цивилизованный противник, например французы.

В эти месяцы он завидовал не только победам немцев, но прежде всего их врагам. Цвейг хотел бы воевать, но не против России, не против варваров, славян, врагов цивили-

¹ Имеется в виду Антон Киппенберг (1874–1950), владелец издательства *Insel-Verlag* в Лейпциге, где вышло большинство произведений Цвейга.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Вайдерманн Фолькер

ОСТЕНДЕ. 1936 ГОД:
ЛЕТО ДРУЖБЫ И ПЕЧАЛИ

Редактор *Алла Мотина*

Художественный редактор *Надежда Данильченко*

Технический редактор *Лидия Синицына*

Корректоры *Ольга Ануфриева, Светлана Луконина*

Верстка *Кирилла Иванова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.09.2024.

Формат 70×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Petersburg». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 8,4. Тираж 3000 экз. O-DCF-34147-01-R. Заказ №

Изготовитель:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Иностранка®
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:

«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
Иностранка® тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

